

Б.Н. Жантурина,

доктор филологических наук, доцент, Институт иностранных языков, Московский педагогический государственный университет (МПГУ); e-mail: uvaursi@inbox.ru

ЛИНГВОКОЛОРИЗМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

Лингвоколоризмы участвуют в создании художественной ауры произведения и рассматриваются здесь в аспекте переводческой стратегии на примере стихотворений Эмили Элизабет Дикинсон и переводов на русский язык, выполненных А. Гавриловым, Е. Валгуриной и В. Авсияном. Переводческие операции и трансформации, такие как инвариантные соответствия, кальки, замены, опущения, добавления, переподчинение могут вызывать локальные и глобальные преобразования на уровне слова, словосочетания, предложения и текста. Неизбежные изменения и радикальные преобразования исходного текста могут возникать при отказе переводить лингвоколоризм, что описано как нарушение концептуальных связей и схем построения мысли в тексте перевода; текстовые стратегии стиха раскрыты с помощью когнитивной фреймовой методики.

Ключевые слова: лингвоколоризм, цветовой термин, сфера денотации, переводческие трансформации, текстовая стратегия, когнитивный подход, фреймы.

Лингвоколоризмы, светофоны, цветофоны и колористическая семантика не одно десятилетие являются востребованным объектом исследования современной лингвистики. С одной стороны, они обладают чёткими признаками отраслевых специальных терминов и входят в научную картину мира современного человека, с другой стороны, они же наполнены бытовым толкованием, характеризующим наивную картину мира древних и современных языков. Задачи специального перевода определяются такими терминологическими свойствами лингвоколоризмов, как однозначность и точность, обозначающими параметры цветových пигментов, особенности цветовидения человека и символическое значение цвета в разных языках и культурах. Художественный перевод, также оперируя категориями адекватности и эквивалентности, которые достигаются, как формулируют, например, В.В. Сдобников и О.В. Петрова (Сдобников, Петрова, 2006: 411), при воссоздании в тексте перевода всей системы образов и ассоциаций, смещается в сторону передачи

атмосферы поэтического произведения. Цветовые термины, выступающие в качестве мощного средства вербального описания и создания словесного образа, составляют сравнительно небольшое системно организованное лексическое поле со слабоструктурированной признаковой семантикой цвета. В художественном тексте, согласно Ю.А. Сорокину, они создают его художественную ауру [Сорокин, 2009: 69].

Анализ перевода лингвоколоризмов обнаруживает тенденцию к типизации переводческих традиций и приёмов их передачи в межъязыковом общении, что обнаруживается в тех особенностях текста, которые обычно характерны для одной языковой среды, но при анализе текста на одном языке обычно не выявляются. При сопоставлении переводных, так называемых параллельных текстов на двух языках становятся наглядны культурные константы цвета, концептуальные связи и текстовые стратегии.

В практике отраслевого специального перевода колоризмы в качестве единиц перевода, как правило, передаются инвариантными соответствиями, беспереводными кальками или описательно. Колористическая семантика, при этом, согласно Е.В. Рахилиной [Рахилина, 2007: 35], определяется стабильным денотативным фокусом концепта. В.Г. Кульпина [Кульпина, 2007: 130] уточняет, что собственно монохромная семантика цвета состоит в указании на эталонный предмет-прототип, носитель признака цвета, например, для концепта красного цвета — кровь, синего — небо, море, жёлтого — солнце и т.д. При выполнении комплексных задач художественного перевода, таким образом, полагается, что лингвоколоризмы соотносятся с монохромным концептом, ядро которого определяется стабильной сферой денотации и соотносением с прототипическим денотатом. Тем не менее, способы передачи цветового признака средствами другого языка не всегда ограничиваются только единицами перевода на уровне слова-термина, они требуют раскрытия концептуальных связей в текстовых стратегиях речевого произведения. По мнению Л.К. Латышева [Латышев, 2008: 127], трансязыковое перефразирование затрагивает поверхностный и глубинный уровни высказывания, включая и те операции, которые меняют схему построения мысли. При лингвокогнитивном подходе к переводу, согласно В.И. Хайруллину [Хайруллин, 2010: 15], полагается, что «в любом высказывании активируется тот или иной тип фрейма, что даёт основу для сопоставления фреймов оригинала и перевода».

Концепты цветового поля Эмили Дикинсон нуждаются в уточнении сферы денотации, а также ряда сопутствующих значений в пределах одной хроматической области и цветовых субконцептов,

указывающих на сдвиг базового цвета в сторону утмнения или осветления или же на оттенки цвета на границе с другим базовым цветом. Зрительные образы занимают в её поэзии значительное место, целые стихотворения образуют циклы стихов-описаний состояния природы с использованием цветообозначений (колоризмов и светофонов). Перцептивные словесные образы создают импрессионистические картинки зримого, слышимого, ощущаемого в каждый момент написания стиха. Вербальные репрезентации отображают непосредственные впечатления наблюдателя при восприятии, формируя текстовые стратегии описания или повествования.

Сопоставление исходного текста Э. Дикинсон (ИТ) и текста перевода (ПТ), выполненного А. Гавриловым [Дикинсон, 2001], Е. Валгуриной и В. Авсияном [Дикинсон, 2017], обнаруживает несколько вариантов реализации колоризма из ИТ в ПТ.

Покажем на примерах применение переводческих приёмов, рассмотрев при этом варианты передачи колоризма, а также локальные и глобальные трансформации текста.

Цветовое значение колоризма из ИТ обычно передаётся инвариантным соответствием при денотате, имеющем указанный цветовой признак и реализующем, например, в именной группе как единице перевода. Цветовые гиперболы ИТ *sapphire farm*, *opal cattle* сохранены в ПТ: дом сапфировый (глубокий синий цвет), коровы опаловые (насыщенный коричневый цвет).

<i>I only saw a Sapphire Farm —</i>	А я увидела лишь дом
<i>And just a Single Herd —</i>	Сапфировый, Окат
<i>Of Opal Cattle — feeding far</i>	Холма, Опаловых Коров

(Дикинсон, 2001, с. 216).

Терминологическое значение может быть также найдено посредством беспереводной кальки, как например, в колоризме — единице перевода *purple* пурпуровый для описания цветущей сирени через признаки формы и цвета *purple load* пурпуровый ...груз в составе именной группы:

<i>The Lilacs bending many a year —</i>	Сирень, пурпуровый свой груз,
<i>Will sway with purple Load</i>	Согнувшись, понесёт

(Дикинсон, 2001, с. 160).

Переводческая операция лексической замены одного цветового термина другим осуществляется в одной хроматической области и сохраняет сферу денотации цветового концепта. Близкий оттенок цвета найден *cochineal* ярко-красный, кошениль в замене на другой цветовой термин *рубин*, *рубиновый*, *ярко-красный*; для *emerald* изумрудный, *ярко-зелёный* найден в инвариантном соответствии слову — единице перевода, но при сокращённой именной группе ИТ.

<i>Like hindered Rubies</i>	Сверкнул Рубином над Холмом (Дикинсон, 2001, с. 142).
<i>... live the Evening Blood</i>	Кроваво-красный есть Рубин (Дикинсон, 2017, с. 42).
<i>A Resonance of Emerald</i> <i>A rush of Cochineal</i>	Рубин и Изумруд Швырнули в небеса (Дикинсон, 2001, с. 378).

Сходным образом, цветофоны, которые соотносятся с локальным светом заходящего солнца, с вечерними красно-фиолетовыми оттенками на отражающих свет поверхностях, заменяют друг друга в ИТ и ПТ в переводе А. Гаврилова или передаются транслитерацией в переводе В. Авсияна: *Her teasing Purples — Afternoons / Там багряницею манят и дразнят вечера* (Дикинсон, 2001, с. 118) / *Её пурпурные поля* (Дикинсон, 2017, с. 164).

Технически сходная задача перевода решена и в другом стихе: колоризм *crimson — a deep to vivid purplish red to vivid red малиновый* заменён в ПТ на колоризм *пёстрый*, в ядре значения которого содержится указание на сочетание разных цветов (составленный из чего-либо окрашенного в различные цвета [Кульпина 2007: 178], в отличие от монохромного цветового концепта в ИТ. Лексическая трансформация сохраняет сферу денотации, цвет оперения птицы, изменяя лишь цветовой субконцепт.

<i>I had a crimson Robin</i>	Ещё Щегол был пёстрый (Дикинсон, 2017, с. 10).
------------------------------	---

Вместе с тем, следует отметить, что название птицы *Robin* не имеет инвариантного соответствия в русском языке и может быть по-разному представлено при переводе: *robin — a small brown bird with a red chest* переводится как *дрозд, малиновка, ласточка, зарянка, щегол* или же трансформируется генерализацией в родовое обозначение *птица* в переводе В. Авсияна.

<i>If I shouldn't be alive</i> <i>When the Robins come</i>	Если птица на могилу Прилетит ко мне (Дикинсон, 2017, с. 158).
---	--

Подобные генерализации нередко сопровождают опущение цветового термина и замену локального цветофона на общее родовое понятие, исключая из сообщения в ПТ хроматическую зону ИТ, что затрагивает редкие цветообозначения *cochineal кошениль, ярко-красный, tazarin тёмно-синий*. Помимо генерализации, ИТ трансформирован не только опущением цветового термина; колоризмы включены в речевую модальность неуверенности в виде вопроса, адресованного к читателю. В ПТ общий смысл расширен

и преобразован в утвердительную модальность уверенности и констатации факта, как ни странно, связанной с ИТ и служащей ответом на вопрос в ИТ, тем самым полностью изменяя текстовую стратегию стиха.

Can Blaze be shown in Cochineal — Перебираю краски я
Or Noon — in Mazarin *Всю жизнь — всё не те*
(Дикинсон, 2001, с. 204).

Генерализация применена к перифрастическому обозначению в ИТ, опирающемуся на цветовой термин: атрибутивное словосочетание *красноватые языки пламени ruddy fires* заменено в ПТ на прямое родовое обозначение *огонь*, цветообозначение опущено, но смыслы компенсированы цветовыми свойствами денотата *огонь*, потенциально содержащимися в контексте.

No ruddy fires on the hearth *Не видно в очаге огня*
(Дикинсон, 2001, с. 80).

Добавление колоризма в ПТ, но его отсутствие в ИТ может быть связано с фразеологизированным обозначением цвета, который утрачивает собственно цветное значение и естественно, меняет сферу денотации: чёрный ход (back door) предназначен для служебных или бытовых нужд, а цветовой концепт полностью исключён из сообщения в обоих текстах.

Remembrance has a Rear and Front — У Памяти есть тоже
This something like a House — Фасад и чёрный ход
(Дикинсон, 2001, с. 328).

Цветовой термин *синий* выступает как регулярный традиционно-фольклорный эпитет при описании морской волны и бесконечности водного пространства; здесь он участвует в лексической замене: обозначение морской пены утрачено в ПТ и заменено цветовым признаком в структуре того же концепта, сохраняя сферу денотации в текстовой стратегии описания:

Yet know I how the Heather looks *Но знаком и Камыш,*
And what a Willow be. *И брызги над синей Волною*
(Дикинсон, 2017, с. 190).

Сравнение ИТ и ПТ может выявить переподчинение колоризма, которое приводит к изменению сферы денотации: исходное описание птицы с красной грудкой *red cravat* в ПТ превращено в обрядовое действие *поминальный хлеб на алой ленте*, подменяя заурядное описание оперения птицы культурным ритуалом и народной культурной эстетикой цвета. Колоризм технически сохранён, общий смысл стиха акцентирован дополнительными культурными смыслами:

*If I shouldn't be alive
When the Robins come,
Give the one in Red Cravat,
A Memorial crumb —*

*Если птица на могилу
Прилетит ко мне,
Дайте ей на Алой Ленге
Поминальный хлеб.*

(Дикинсон, 2017, с. 158).

Радикальная переводческая операция — опущение лингвокологизма как структурной единицы сообщения и единицы перевода, как правило, устанавливается на уровне отдельной лексемы или синтаксического фрагмента при переводе. Применение опущения часто обоснуется семантической избыточностью, тавтологическими повторами или просто невозможностью передать в ПТ те слова, значения которых, по мнению переводчика, нерелевантны и легко восстанавливаются в контексте [Нелюбин, 2006: 130]. Так, концепт красного цвета широко и многообразно представлен у Э. Дикинсон синонимическим рядом одной монохромной области: *red* красный, *ruddy* рыжий, *cochineal* кошениль, *scarlet* алый, *crimson* малиновый, *violet* фиолетовый, *ruby* рубиновый, *amethyst* аметистовый, *purple* пурпурный, *vermillion* киноварь. Каждый из них имеет своё словарное инвариантное соответствие в русском языке, но при переводе обычно опускается без компенсации в тексте, например, цветофон *vermillion* — *a vivid red to reddish orange* киноварь.

В стихотворении № 140 косвенное цветообозначение — *a deeper twilight* и прямое указание на цвет через цветовой термин — словосочетание с цветофоном *a print of a vermillion foot* опущены в ПТ. Замены в тексте перевода трудно назвать компенсирующими, это — скорее, добавления, *зелёный цвет сумерек* и *прелая листва под клёном*, лишь структурно мотивированные, но всё же деформирующие общий смысл стиха, так как вводят загадочное цветообозначение для сумерек и денотат *клён*, отсутствующий в ИТ.

*A deeper twilight on the lawn —
A print of a vermillion foot*

*И сумерек зелёный цвет —
Под клёном прелая листва*

(Дикинсон, 2001, с. 90).

В стихе № 656 опущены два цветовых термина: *ruddy* в качестве определения цвета листьев (груды оранжево-красных листьев) и *vermillion* в предложной группе *upon vermillion wheels*; радикальное опущение без компенсации приводит к утрате визуальных образов листвы и перемещения ветра. Радикальность деформирующего текст переводческого приёма, на наш взгляд, спровоцирована цветофонами *ruddy*, *vermillion*.

*It gathers ruddy Pools —
Then — eddies like a Rose — away
Upon Vermillion Wheels —*

*Зонты и шляпки дам,
Потом совьётся розой
И унесётся вдаль*

(Дикинсон, 2001, с. 224).

Опущение колоризма при замене на эпитет нецветовой природы со словом — единицей перевода может быть также включена в ряд других (лексических, грамматических и текстовых замен), преобразующих коммуникативную модальность ИТ в стратегии перевода целого стиха:

<i>The Sun and Fog contested</i>	<i>Туман и Солнце спорят —</i>
<i>The Government of Day —</i>	<i>Кто завладеет Днём</i>
<i>The Sun took down his Yellow Whip</i>	<i>Туман свою теряет спесь</i>
<i>And drove the Fog away —</i>	<i>Под солнечным бичом</i>

(Дикинсон, 2017, с. 198).

Вполне очевидно, что лексическая замена в ПТ применена, в первую очередь, к колоризму *yellow* в составе атрибутивной группы с детерминативом — притяжательным местоимением мужского рода *his Yellow Whip*. Цветовой признак в терминологическом базовом значении *yellow жёлтый* приписан прототипическому носителю признака *солнцу*, определяя светфон *жёлтый (солнечный) свет*.

В первую очередь, следуя статистическому методу анализа двух текстов при переводе по М.Л. Гаспарову, покажем предметный ряд, на который опирается это стихотворение при раскрытии темы.

Сравнение пяти имён существительных в ИТ *sun, fog, government, day, whip* и пяти существительных в ПТ *солнце, туман, день, спесь, бич* обнаруживает опущение английского *government* и явно неравнозначную замену его на *спесь*.

Покажем концептуальный ряд стиха в виде сетки понятий, каждое из которых занимает своё место в ячеистой структуре смыслов стиха. Природные денотаты, уникальный (*солнце*) и стихийный (*туман*), участвуют в актуализации акционально-волевого фрейма: на строках 1 и 2 они выступают на равных в качестве субъектов действия при предикате *contested оспаривать, бороться*. На строках 3 и 4 при *солнце*, агенте и субъекте действия, *туман* становится пациентом, испытывающим материальное действие *took down* с инструментативом *the whip*. Функциональная метафора в инструментативе превращает *солнечный луч* в *whip* хлыст, бич, орудие управления и наказания в руках лица, наделённого такими функциями и властью.

Детерминатив — притяжательное местоимение *his* вводит гендерно чувствительный контекст, сообщающий о дополнительной референциальной отнесённости неодушевлённого денотата *солнце* в английском языке. В составе стилистического приёма грамматической персонификации через референциальный конфликт по линии одушевлённость — неодушевлённость денотат принуждён к появлению агентивных сем, в норме ему не присущими и харак-

теризующими одушевлённый денотат [Гуревич, 2018: 234]. Всё, что ассоциируется с маскулинностью — активность, агрессивность, напористость, целеустремлённость — при неодушевлённых существительных заменяется личными или притяжательными местоимениями *he, his*; с фемининностью — местоимениями *she, her*. Грамматическая персонификация, применённая к солнцу, поддерживает акционально-волевой фрейм в ИТ в обоих предикатах *took down, drove*.

Для сравнения приведём фемининный контекст из стиха Э. Дикинсон, сходно безэквивалентный при переводе и со сходным сдвигом в передаче цветообозначений: *Night after Night / Her purple traffic / Strews the Landing — with Opal Bales — / Ночь за Ночью / Багряный корабль / Брызги алые рассыпает* (Дикинсон, 2017, с. 170).

В ПТ на строке 3 исходный акционально-волевой фрейм заменён акционально-результативным фреймом при другом субъекте действия: *туман свою теряет спесь*. Обусловленность этого действия, его зависимость от действия солнца присутствует в тексте опосредованно, на первый план выдвинута акциональная способность другого субъекта.

Текстовая стратегия обоих текстов заключается в описании состояния световоздушной среды после восхода солнца в туманное утро. Словесный образ мимолётного явления природы обладает определённой изобразительностью и наглядностью не столько благодаря употреблению особой цветовой гаммы через цветофоны, сколько через персонификацию природных явлений и наделение их несвойственными им способностями к совершению целенаправленных действий, а именно способности управлять кем-то, направлять энергию и подчиняться воздействию кого-либо. В таком агенте преобразованы интенциональные параметры высказывания, а актанта́ная рамка содержит волиционный признак [Хайруллин, 2010: 111].

Помимо акционально-волевого фрейма, в ИТ присутствует корпорально-партитивный фрейм *солнце имеет цвет*, утрачиваемый в ПТ. Для ПТ также следует отметить корпорально-партитивный фрейм *туман имеет спесь*, отсутствующий в ИТ. Такие изменения — это, по сути, потери смысла и глубинной структуры всего стиха, проявляющиеся также вместе с изменением ядра темпоральности (замещение прошедшего повествовательного в грамматическом времени the Past Indefinite Tense из ИТ на настоящее простое время в ПТ), и маркирующие глобальное преобразование ИТ при переводе, преобразование фреймовой структуры высказывания.

Стихотворение № 656 состоит из двенадцати строк и является пейзажной зарисовкой, в которой центральный цветовой образ

представлен доминантой красного цвета и его оттенками на отражающих свет поверхностях в осенний день.

Согласно статистическому методу анализа текстов при переводе по М.Л. Гаспарову [Гаспаров, 2001: 322], сопоставление предметного и предикатного рядов необходимо для выведения коэффициента точности и вольности. Сопоставляя количество имён существительных в обоих текстах, обнаруживаем низкий коэффициент точности при переводе этого стиха. В широком предметном ряду в обоих текстах количество существительных разное: совпадают 13 существительных — *autumn осень, hue оттенков, blood кровь, artery артерия, hill гора, vein вена, road дорога, globules кровяные шарики, alleys аллеи, winds ветер, rain дождь, bonnets шляпки, rose роза*; отсутствуют в ПТ — 6 — *name, shower, stain, basin, pool, wheels*; в ПТ добавлены — 5 — *склоны, деревья, дорожки, дамы, зонты*.

Сходная картина справедлива и для предикатов в обоих текстах: общее количество — 6, совпадают 2, остальные — разные и по-разному соотносятся со своими именными группами. 3 цветовых термина в ИТ предлагают наглядную гамму усиления красного цвета от алого *scarlet* к красно-оранжевому *ruddy* вплоть до границы с фиолетовым цветом *vermillion*; в ПТ сохранён лишь один алый цвет. Цветофоны в ИТ включены в метафоры: алый дождь (листьев) *scarlet rain*, оранжево-красные груды (листьев) *ruddy pools*, завихрения листьев цвета киновари *vermillion wheels*; в ПТ оставлен первый цветовой образ *алый дождь*, последние два образа опущены.

<i>The name — of it — is “Autumn” —</i>	<i>Она зовётся Осенью,</i>
<i>The hue — of it — is Blood —</i>	<i>Её оттенок — кровь,</i>
<i>An Artery — upon the Hill —</i>	<i>Артерии по склонам гор</i>
<i>A vein — along the Road —</i>	<i>И вены вдоль дорог,</i>
<i>Great Globules — in the Alleys —</i>	<i>И кровяные шарики</i>
<i>And Oh, the Shower of Stain —</i>	<i>Аллеями бегут,</i>
<i>When Winds — upset the Basin —</i>	<i>А ветер дунет — алый дождь</i>
<i>And spill the Scarlet Rain —</i>	<i>С деревьев тут как тут -</i>
<i>It sprinkles Bonnets — far below —</i>	<i>Обрызгает дорожки,</i>
<i>It gathers ruddy Pools —</i>	<i>Зонты и шляпки дам,</i>
<i>Then — eddies like a Rose — away</i>	<i>Потом совьётся розой</i>
<i>Upon Vermillion Wheels —</i>	<i>И унесётся вдаль</i>

(Дикинсон, 2001, с. 224).

Осень в ИТ и ПТ описана как сценарий, объединяющий ряд стереотипных событий, а целая ситуация, представляющая знание об осени, состоит из более мелких структур. *Листопад и красная,*

алая, румяная, киноварная осень по сценарию непосредственного опыта зрительного восприятия предстаёт как описание цвета и повествование о событии в поле зрения наблюдателя: *гора, дорога, аллеи, дамы в шляпках, порывы ветра, потоки красного цвета, дождь*. Актуальность восприятия события поддержана формами the Present Indefinite Tense и настоящего простого времени.

Колористическая семантика здесь раскрывается с помощью прямых цветообозначений и косвенных указаний на цвет через противопоставление цветовых терминов, субконцептов красного цвета и слов, денотаты которых потенциально включают в себя косвенное указание на красный цвет.

В первой половине стиха на строках 1–6 красный цвет листвы обозначен на каждой строке косвенно без цветовых терминов. Перечисление денотатов-носителей красного цвета *кровь, вены, артерии, кровавые шарики* и сравнение с денотатом *кровь* встраиваются в параллельные имплицативные ряды *осень — листья — ветер — дождь, кровь — артерии — вены — кровавые шарики*.

Корпорально-партитивный фрейм в ИТ при предикате *иметь* в эллиптических конструкциях и субъекте *осень* содержит косвенное указание на цвет. На 6 строке этот фрейм переходит в акционально-волевой с предикатами материального действия и стихийными субъектами действия в качестве агентов в последовательности целенаправленных и контролируемых действий *the winds upset the basin and spill the rain, the shower of stain sprinkles bonnets, gathers pools, eddies like the rose*.

В ПТ смена фреймов происходит на 5 строке, в акционально-волевые фреймы вовлечены другие участники, а именно новые субъекты-агенты при других предикатах *кровавые шарики бегут, дождь брызжет, свивается розой и уносится вдаль*. Вторая половина стиха на строках 7–12, соответственно, рисует иной сценарий развития осеннего события, в который цветофоны уже не входят.

Таким образом, анализ применения переводческих операций к лингвоколоризмам в художественном тексте показывает широкий спектр применения локальных преобразований исходного текста и компенсирующих замен при инвариантных соответствиях, кальках, заменах. Радикальные операции наблюдаются при опущении лингвоколоризма и провоцируют изменение концептуальных связей, что, в свою очередь, вызывает изменение текстовой стратегии в тексте перевода. Лишь применение фреймовой методики способствует раскрытию переводческой стратегии в художественном тексте.

Список литературы

Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 406 с.

Гуревич В.В. Практическая грамматика английского языка. Упражнения и комментарии: учеб. пособие. 5-е изд. М.: Флинта: Наука, 2018. 296 с.

Дикинсон Э. Стихотворения: Сборник / Составл. М. Гавриловой. М.: ОАО Издательство «Радуга», 2001. На английском языке с параллельным русским текстом. 448 с.

Дикинсон Э. Избранница в белом. Стихотворения / Пер. с англ. Л. Валгуриной и В. Авсияна. М.: Издательский дом «Звонница-МГ», 2017. 256 с.

Кульпина В.Г. Система цветообозначений русского языка в историческом освещении // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / Отв. ред. А.П. Василевич. М.: КомКнига, 2007. С. 126–185.

Латышев Л.К. Технология перевода. М.: Академия, 2008. 320 р.

Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 4-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2006. 320 с.

Рахилина Е.В. О семантике прилагательных цвета // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / Отв. ред. А.П. Василевич. М.: КомКнига, 2007. С. 29–39.

Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода (учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков). М.: АСТ: Восток — Запад, 2007. 448 с.

Сорокин Ю.А. Поэтический текст и его цветограммы / лингвоколизмы // Девять статей о поэтическом тексте. М.: Институт языкознания РАН, 2009. 140 с.

Хайруллин В.И. Перевод и фреймы: Учебное пособие. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 144 с.

Bakhyt N. Zhanturina,

Dr. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department
of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University, Russia;
e-mail: uvaursi@inbox.ru

LINGUOCOLORISMS IN LITERARY TRANSLATION

Linguocolorisms as part of the artistic aura in a poetic text are reviewed in the present article from the standpoint of the translator's strategy, which is exemplified by Emily Elizabeth Dickinson's poems and their Russian translations by A. Gavrillov, E. Valgurina and V. Avsiyan. The translator's operations and transformations, such as invariant correspondences, borrowings, replacement, omission, addition, dislocation or rearrangement, may cause local and global changes at the level of words, phrases, sentences as well as at the level of the whole

text. The inevitable changes and radical transformation of the original poem can be motivated by the omitted linguocolorism, which has been demonstrated through the use of the conceptual models and mental patterns in the translated text; textual strategies of the poem are described from the perspective of the cognitive frame method.

Key words: linguocolorism, colour term, denotation sphere, translator's transformations, textual strategy, cognitive approach, frames.

References

Dickinson E. Stikhotvoreniya: Sbornik [Selected Poems], Sostavl. M. Gavrilovoj. Moscow: OAO "Raduga", 2001. Na anglijskom yazike s paralel'nim russkim tekstom. 448 p. (In English and Russian).

Dickinson E. Izbrannitsa v belom [The chosen one in white]. Stikhotvoreniya. Per. s anglijskogo L. Valgurinoj i V. Avsijana. Moscow: Izdatel'skij dom "Zvonitsa-MG", 2017, 256 p. (In English and Russian).

Gasparov M.L. Zapisi i vipiski [Notes and extracts], Moscow: Novoje literaturnoye obozrenije, 2001. 406 p. (In Russian).

Gurevich V.V. Prakticheskaya grammatika anglijskogo yazika [A Practical Grammar of English. Exercises and commentary], Uprazhneniya i kommentarii: ucheb. Posobije. 13th edition. Moscow: Flinta: Nauka, 2018, 296 p. (In English and Russian).

Khairullin V.I. Perevod i freimy [Translation and Frames], Uchebnoe posobije. Moscow, Knizhnij dom "LIBROKOM", 2010, 144 p. (In Russian).

Kulpina V.G. Sistema tsvetooboznachenij russkogo yazika v istoricheskom osveshchenii [System of Russian Color Denotations against Historical Background]. Naimenovanija tsveta v idoevropskikh yazikakh: Sistemnij I istoricheskij analiz. Otv. red. A.P. Vasilevich. Moscow, KomKniga, 2007, pp. 126–185 (In Russian).

Latishev L.K. Tekhnologiya perevoda [Translation Technology]. Moscow: Akademia, 2008, 320 p. (In Russian).

Neljubin L.L. Tolkovij perevodovedcheskij slovar [Translation Defining Dictionary]. 4 izd., ispr., Moscow: Flinta: Nauka, 2006, 320 p. (In Russian).

Rakhilina E.V. O semantike prilagatelnykh tsveta [On the Semantics of Color Adjectives]. Naimenovanija tsveta v idoevropskikh yazikakh: Sistemnij I istoricheskij analiz. Otv. red. A.P. Vasilevich. Moscow: KomKniga, 2007, pp. 29–39 (In Russian).

Sdobnikov V.V., Petrova, O.V. Teorija perevoda [Translation Theory], (uchebnik dlya studentov lingvističeskikh vuzov i fakul'tetov inostrannykh yazikov), Moscow: AST: Vostok — Zapad, 2007, 448 p. (In Russian).

Sorokin Ju.A. Poeticheskij tekst i jego tsvetogrammi [Poetic Text and its color patterns], lingvolorizmi. Devjat' statej o poeticheskom tekste, Moscow: Institut jazikoznanija RAN, 2009, 140 p. (In Russian).